

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.296.309>

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПИ ПРЕДУРАЛЬЯ В САРМАТСКИЙ ПЕРИОД

© 2023 г. В.В. Овсянников

В V в. до н.э. в ходе миграции в долину р. Белой различных групп прикамского населения, при преобладании носителей постмакляшевской культуры, произошла их трансформация в кара-абызскую культуру. В результате на лесостепном правобережье р. Белой образовалось несколько центров-агломераций расселения кара-абызской культуры: южная (гафурийская), зилимская (убаларская), центральная (шиповско-охлебининская) и ряд северных центров (Уфа, Кара-Абыз, Биктимирово, Камышинка, Бирск и др.). С другой стороны, левобережье р. Белой вплоть до устья р. Демы с рубежа V–IV вв. до н.э. было доступно кочевому раннесарматскому населению. Наиболее плотное освоение номадами этой территории относится к III–II вв. до н.э. Каждая из кара-абызских групп реализовала различные модели взаимодействия с кочевыми соседями. Наиболее тесное взаимодействие с номадами прослеживается в южной и центральной вплоть до инкорпорирования кочевников в оседлую среду. Контакты зилимской и северных группировок с кочевым миром выражены значительно слабее.

Ключевые слова: археология, Предуралье, лесостепь, ранний железный век, кара-абызская культура, кочевники, миграционные процессы, модели взаимодействия.

RELATIONSHIP OF NOMADIC AND SETTLED POPULATION IN THE CIS-URAL FOREST-STEPPE ZONE IN THE SARMATIAN PERIOD

V.V. Ovsyannikov

In the 5th century BC during the migration to the Belaya River valley of different groups of the Kama population with the predominance of bearers of the post-Maklasheyevka culture, their transformation into the Kara-Abyz culture took place. As a result, on the Belaya River forest-steppe right bank several centers-agglomerations of the Kara-Abyz culture settling were formed: southern (Gafuriyskaya), Zilim (Ubalar), central (Shipovo-Okhlebinino) and a number of northern centers (Ufa, Kara-Abyz, Biktimirovo, Kamyshinka, Birska etc). Belaya River left bank up to the estuary of the Dyoma River from the turn of the V–IV centuries BC was accessible to the nomadic early Sarmatian population. The most dense settling of this territory by nomads dates back to the III–II centuries BC. Each of the Kara-Abyz groups realized different relationship models with their nomadic neighbours. The closest interrelation with nomads can be seen in the south and central areas up to the incorporation of nomads into the settled environment. Contacts of the Zilim and northern groups with the nomadic world are traced much weaker.

Keywords: archaeology, Cis-Urals, forest-steppe, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, nomads, migration processes, relationship models.

В результате различных миграционных процессов и под влиянием усиливающейся аридизации климата (Овсянников, 2018; Курманов и др., 2019) в среднем течении р. Белой в III в. до н. э. сложилась следующая социокультурная ситуация. На правобережье р. Белой между устьями ее притоков Уфы и Сим отмечается значительная концентрация памятников оседлого населения. Здесь выделяются три основных центра: Охлебининский, Шиповский и Акбердинский. В Охлебининский комплекс входит городище и грунтовый могильник (рис. 1: 9–10); в Шиповский – городище и курганно-грунтовый могильник

(рис. 1: 11–12); в Акбердинский – городище и два курганных могильника (рис. 1: 15–17). Эти центральные комплексы дополняются вуалью из десятков селищ с различными характеристиками культурного слоя. Уже по типу некрополей этих центров понятна их неоднородность. Охлебининский археологический комплекс включает в себя грунтовый могильник, структура и погребальный обряд которого говорит о преобладании здесь потомков ананьинской/постмакляшевской культурной традиции. В Шиповский археологический комплекс входит биритуальный некрополь, где в грунтовой части оставлены захоронения

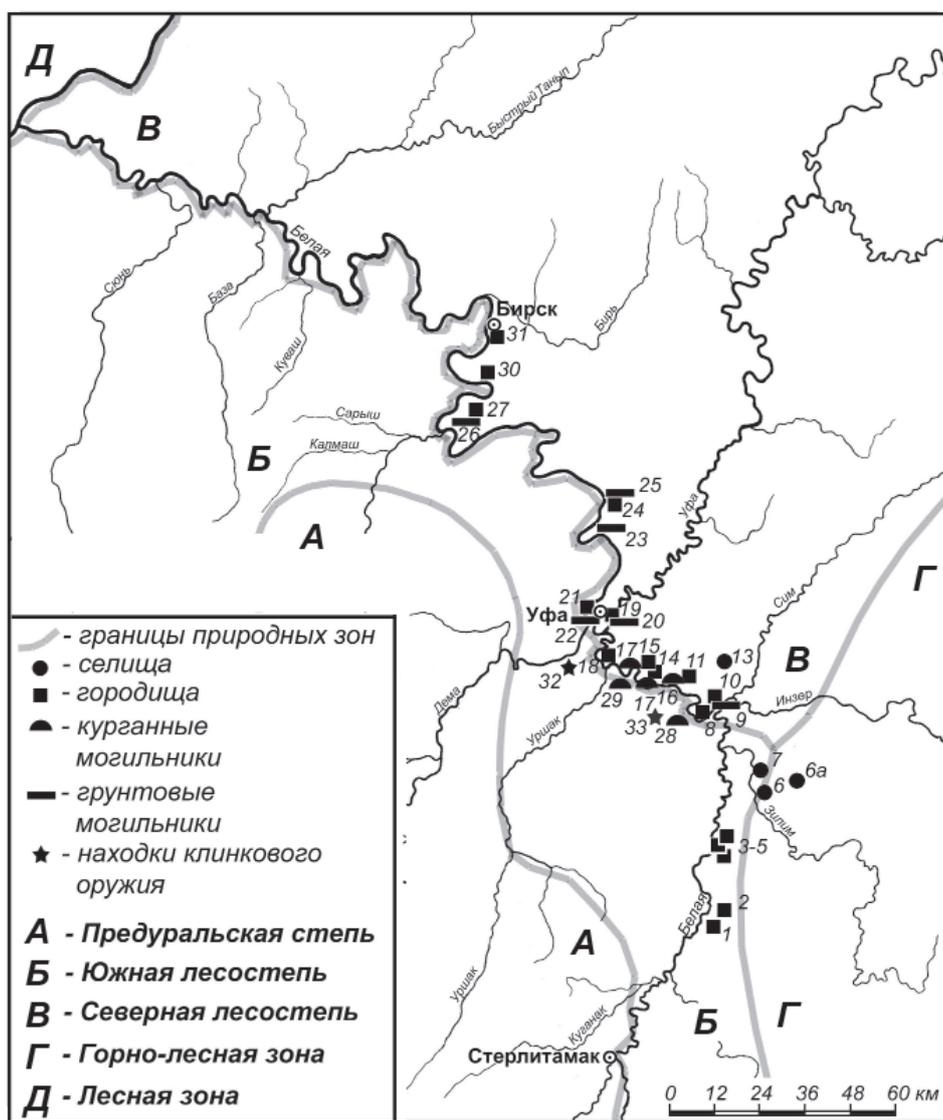

Рис. 1. Памятники III–II вв. до н.э. в лесостепном Предуралье

- 1 – Табынское городище; 2 – Воскресенское городище; 3 – Касьяновское городище; 4 – Михайловское городище; 5 – Курмантаевское городище; 6 – селище Магаш II; 6а – селище Убалар; 7 – селище Красный Зилим I; 8 – Охлебининское III городище; 9 – Охлебининский могильник; 10 – Охлебининское II городище; 11 – Шиповское городище; 12 – Шиповский курганно-грунтовый могильник; 13 – Ивано-Казанкинское II селище; 14 – Акбердинское III городище; 15 – Акбердинское II городище; 16 – Акбердинские курганы; 17 – Нагаевские курганы; 18 – Нагаевское I городище; 19 – Уфимское (Чортово) городище; 20 – Уфимский могильник; 21 – Уфимское IV городище; 22 – Ново-Уфимский могильник; 23 – могильник Турбаслы–7; 24 – городище Кара-Абыз; 25 – могильник Кара-Абыз–2; 26 – Биктимировские I–III могильники; 27 – Биктимировское городище; 28 – Бишунгаровские курганы; 29 – Старокиишкинские курганы; 30 – Камышинские I–II городища; 31 – Бирское городище; 32 – Уфимские находки; 33 – Ибрагимовские находки

Fig. 1. Sites of the III–II centuries BC in the forest-steppe Cis-Urals

- 1 – Tabynskoye hillfort; 2 – Voskresenskoye hillfort; 3 – Kasyanovskoye hillfort; 4 – Mikhailovka hillfort; 5 – Kurman-Tau hillfort; 6 – Magash II settlement; 6a – Ubalar settlement; 7 – Krasny Zilim I settlement; 8 – Okhlebinino III hillfort; 9 – Okhlebinino burial ground; 10 – Okhlebinino II hillfort; 11 – Shipovo hillfort; 12 – Shipovo barrow and subsoil burial ground; 13 – Ivano-Kazanka II settlement; 14 – Akberdino III hillfort; 15 – Akberdino II hillfort; 16 – Akberdino barrows; 17 – Nagayevo barrows; 18 – Nagayevo I hillfort; 19 – Ufa (Chortovo) hillfort; 20 – Ufa burial ground; 21 – Ufa IV hillfort; 22 – Novo-Ufa burial ground; 23 – Turbasly–7 burial ground; 24 – Kara-Abyz hillfort; 25 – Kara-Abyz–2 burial ground; 26 – Biktimirovo I–III burial grounds; 27 – Biktimirovo hillfort; 28 – Bishaul-Ungarovo barrows; 29 – Stariye Kiyeshki barrows; 30 – Kamyshinka I–II hillforts; 31 – Birsch hillfort; 32 – Ufa finds; 33 – Ibrahimovo finds

населения, родственного Охлебнинскому центру, а в курганной – наследников кочевой приуральской и лесостепной зауральской традиций. В свою очередь некрополи Акбердинского археологического комплекса демонстрируют исключительно зауральские черты.

Одновременно на противоположном, левом берегу р. Белой в непосредственной близости от центров оседлого населения исследованы два крупнейших курганных могильника, оставленных номадами, связи которых прослеживаются вплоть до Хорезма (рис. 1: 28–29).

Таким образом, на сравнительно небольшой территории одновременно бок о бок проживали носители различных культурных, хозяйственных и, скорее всего, языковых традиций. Тесные контакты этих групп населения маркируются общими предметами быта, украшений, вооружения, конской упряжи и др. (Овсянников, 2014). Широкое распространение во всех памятниках изображений в зверином стиле скифо-савроматской традиции говорит о формировании общего мировоззрения или по крайней мере общей моды.

Наиболее отчетливо это прослеживается на примере глиняной лепной посуды, в первую очередь погребальной. Для населения всех перечисленных групп общими являлись три типа сосудов: первый – круглодонные, низкогорлые, слабопрофилированные неорнаментированные горшки (рис. 2); второй – плоскодонные, среднегорлые, хорошо профилированные сосуды с богатым орнаментом (рис. 3), и третий – небольшие сосудики на ножке, нередко орнаментированные, именуемые в литературе курительницами (рис. 4). Данная посуда имеет различное происхождение. Первый тип связан с местной керамической традицией, восходящей к ананьинской посуде; второй – имеет общие корни с тальковой керамикой лесостепных культур Зауралья и номадов Приуралья; третий – является отголосками хорезмийской гончарной традиции (Савельев, 2010). Тем не менее эта разнотипная посуда встречается примерно в одинаковых пропорциях на всех памятниках указанной территории.

Этот факт является отражением тесных связей, вероятно, на уровне семейно-брачных отношений, что говорит о довольно мирном сосуществовании рассматриваемых групп населения. В пользу последнего говорит

также то, что в данном микрорайоне фиксируется наибольшая плотность памятников с материалами III–II вв. до н. э. (рис. 1). Военная напряженность вряд ли способствовала бы такой концентрации населения. Например, курганные могильники кочевников располагались в прямой видимости от городищ оседлого населения.

В пользу мирного сосуществования групп оседлого и кочевого населения Среднего Прибеля свидетельствует также обилие южных импортов в могилах оседлого населения: бронзовые зеркала, височные подвески, бусы, металлическая и гончарная посуда и др. Это также говорит об устойчивой меновой торговле между оседлой и кочевой частями этого населения. При этом как кочевое, так и оседлое (также неоднородное) население сохраняло свои погребальные традиции и хозяйственный уклад.

Такое тесное сотрудничество может предполагать и существование некоего потестарного объединения на уровне племени или союза племен. Этому мог способствовать опыт сложноорганизованной социальной жизни, имевшийся у кочевого населения – носителей «филипповской» традиции, внедрившихся в южные группы кара-абызского населения (Савельев, 2008). Последние как минимум на протяжении 1–2 поколений жили в условиях сложного или сверхсложного вожества. С другой стороны, подкочевывавшие от границ Хорезма номады, оставившие Старокиишкинские и Бишунгаровские курганы, имели представление уже о раннегосударственных отношениях. Однако уровень осмысления материала на сегодняшний момент пока не дает полной уверенности в истинности этого предположения.

Памятники среднебельской лесостепи, как правило, в литературе рассматриваются в различных дискурсах. Памятники правобережья – как южный вариант кара-абызской культуры и в этой ипостаси включены в контекст финно-пермской проблематики. Кочевнические некрополи левобережья – как северная периферия раннесарматской культуры и соответственно включены в сарматское единство. При этом в обоих дискурсах отмечается своеобразие данных памятников для своих категорий.

Лишь в последнее время начинают выходить работы, где древности Средней Белой

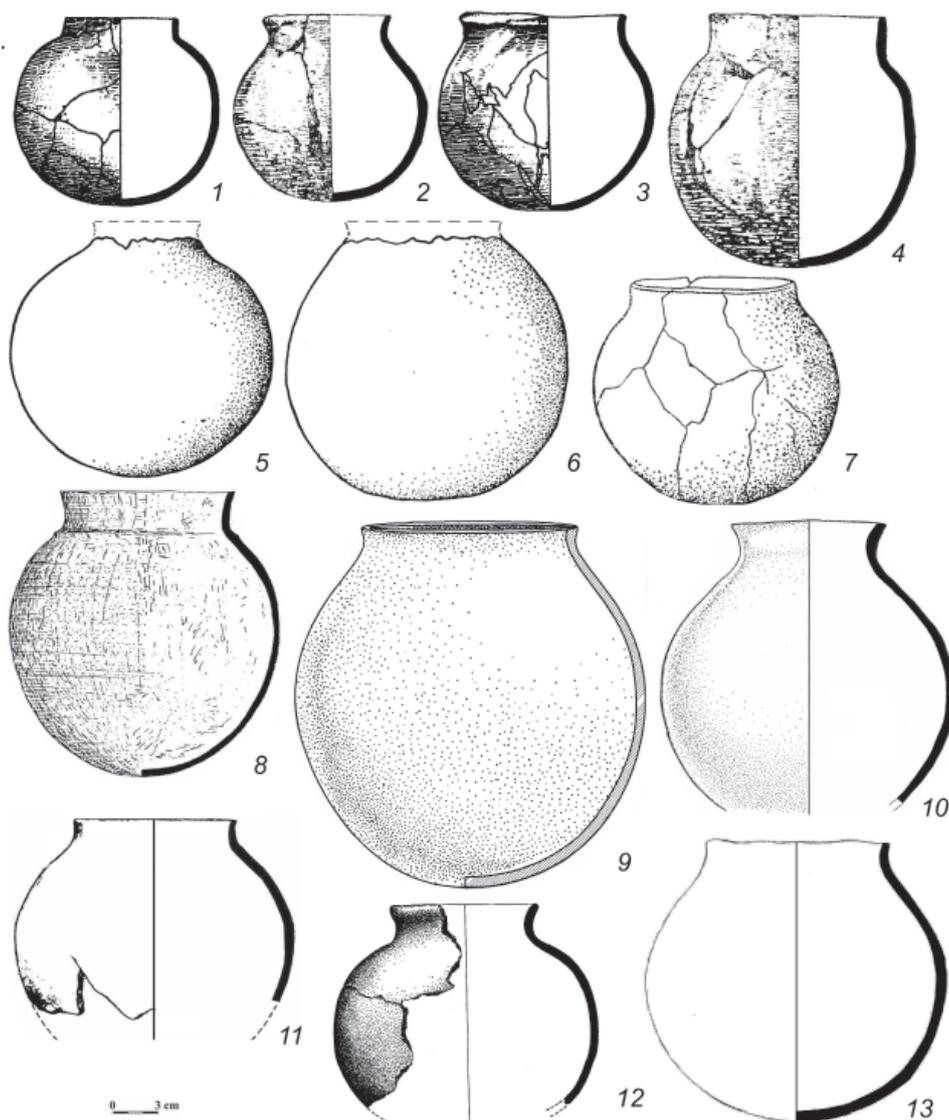

Рис. 2. Сосуды первого типа из памятников лесостепного Предуралья.

1–4 – Старокиишкинский могильник; 5–7 – Бишунгаровский могильник; 8–11 – Шиповский могильник;
12, 13 – Охлебининский могильник

Fig. 2. Ware of the first type from the sites of the forest-steppe Cis-Urals.

1–4 – Stariye Kiyeshki burial ground; 5–7 – Bishaul-Ungarovo burial ground; 8–11 – Shipovo burial ground;
12, 13 – Okhlebinino burial ground

рассматриваются в рамках общего пространства (Овсянников, 2009; Овсянников, 2014; Савельев, Яблонский, 2014). Для сарматского дискурса, ввиду масштабности материала, данная ситуация не вызывает значительных деформаций. Если не считать стабильного включения во все обобщающие работы по ранним сарматам инвентаря, заведомо не принадлежащего к сарматской традиции, но встреченного у кочевников лесостепной зоны Прибеля.

В сравнении с сарматскими древностями, распространенными по всей степной полосе Европы, памятники оседлого населения лесо-

степного Прибеля не так многочисленны. До последнего времени для характеристики кара-абызской культуры применялись в основном данные с трех некрополей: Шиповского, Охлебининского и Биктимировского как наиболее представительных (Иванов, Проценко, 2017). При этом основной массив погребений происходит из Шипово и Охлебинино. В свою очередь, из этого массива большинство погребений относится к рубежу эр (II–I в. до н. э. – II–III вв. н. э.). Таким образом, все количественные и качественные характеристики кара-абызской культуры, хронологические границы которой постулируются в пределах с

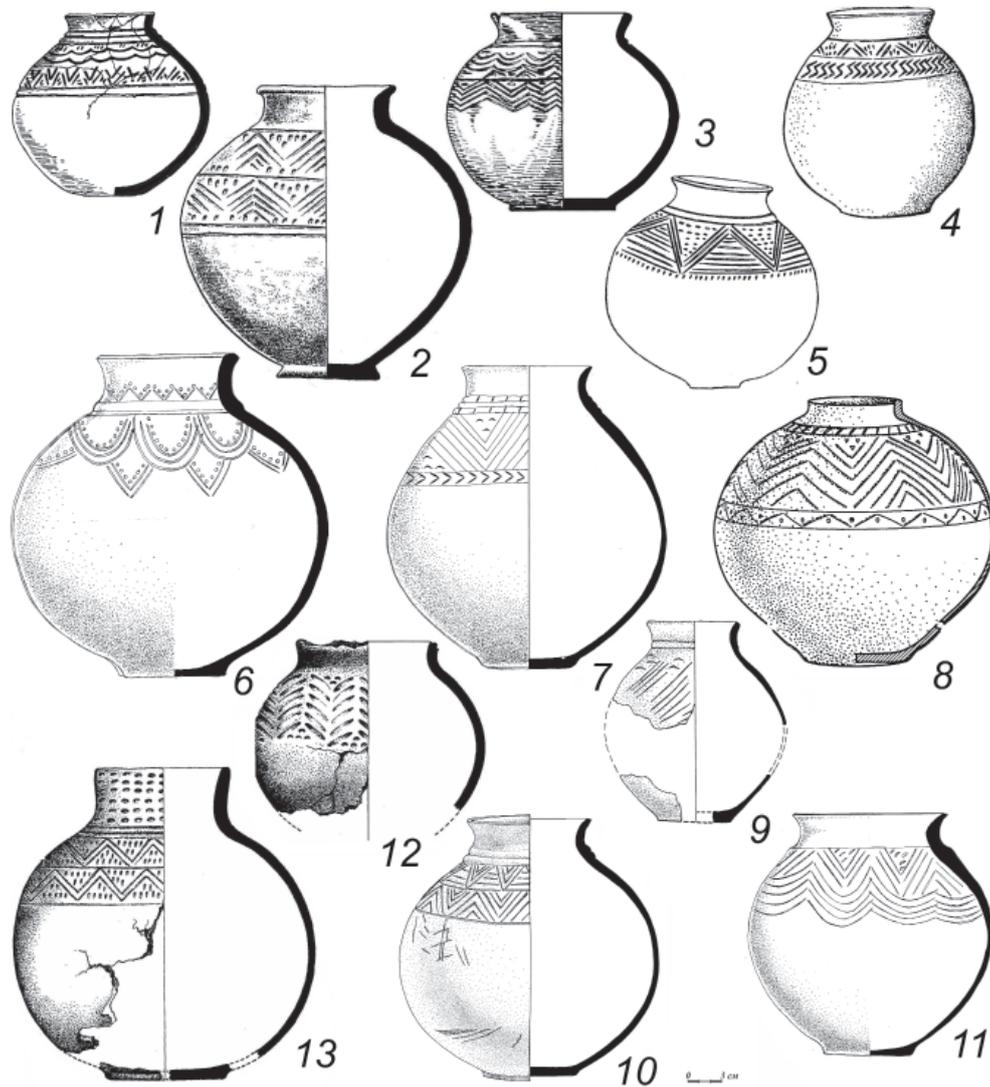

Рис. 3. Сосуды второго типа из памятников лесостепного Предуралья.

1–3 – Старокиишкинский могильник; 4, 5 – Бишунгаровский могильник; 6–11 – Шиповский могильник;
12, 13 – Охлебининский могильник

Fig. 3. Ware of the second type from the sites of the forest-steppe Cis-Urals.

1–3 – Stariye Kiyeshki burial ground; 4, 5 – Bishaul-Ungarovo burial ground; 6–11 – Shipovo burial ground;
12, 13 – Okhlebinino burial ground

рубежа V–IV вв. до н. э. по рубеж III–IV вв. н. э., определяются погребальными традициями, зафиксированными на двух некрополях в отрезок времени от рубежа II–I в. до н. э. до рубежа II–III вв. н. э. Исходя из этих данных определялась роль кара-абызского социума в целом в развитии культурных процессов в Предуралье. Тогда как в реальности использовалась информация лишь о небольшом анклаве из междуречья Уфы и Сима, к тому же подвергнувшегося значительным социальным деформациям благодаря притоку инокультурного населения.

А.Х. Пшеничнюком выделялись северный и южный ареалы культуры, между которыми

прослеживались некоторые отличия в материальной культуре, связанные со степенью влияния инокультурных элементов на культурогенез различных групп кара-абызского населения (Пшеничнюк, 1973; Пшеничнюк, 1988). Отмечаются также и различия в антропологических характеристиках северной и южной групп кара-абызского населения. Межгрупповое сопоставление кара-абызских краниологических серий показало, что они входят в разные субкластеры. Один образован материалами из Шиповского и Охлебининского могильников, другой – из Биктимировских I–III и Кара-Абыз-2 (Ефимова, 1991, рис. 2; Нечвалода, 2016; Лейбова, 2021, с. 120).

Одонтологическая серия из курганной части Шиповского могильника оказалась близка материалам из кочевнических групп Приуралья, Приаралья, лесостепного Алтая и северо-западного Туркестана (Лейбова, 2021, с. 123). С другой стороны, одонтологическая серия из Охлебинино продемонстрировала близость к кулайским и саргатским материалам, тогда как серия из Кара-абыз-2 оказалась близка к мазунинским сериям Прикамья (максимально близка серии из Ижевского могильника) (Лейбова, 2021, с. 123–124). В целом серии, полученные с некрополей кара-абызской культуры (Шипово, Охлебинино, Кара-абыз-2), по мнению Н.А. Лейбовой, значительно удалены от ананьинских, пьяноборских и мазунинских серий (Лейбова, 2021). Эти данные говорят о чрезвычайно пестром происхождении кара-абызской популяции и ее значительных отличиях от коренного прикамского населения.

В.Ф. Генингом была предпринята попытка обосновать выделение на материалах Среднего Прибеля рубежа эр двух археологических культур: собственно кара-абызской (на основе северных памятников) и гафурийско-убаларской (на основе южных памятников, включая памятники Гафурийского района Башкирии) (Генинг, 1988, с. 118–126). Однако это предложение не утвердилось в литературе, хотя исследователи продолжали отмечать различия северных и южных кара-абызских памятников. Это, как правило, объяснялось сильным влиянием степного сарматского населения и участия угорско-«гафурийского» населения в культурогенезе южного кара-абызского населения (Пшеничнюк, 1988). Механизм этого влияния и участия практически не раскрывался.

Новые материалы, полученные на южных памятниках кара-абызской культуры, в своей работе обобщил Н.С. Савельев, что позволило ему выдвинуть новую концепцию происхождения так называемого убаларского типа (Савельев, 2017). С учетом этих данных сейчас можно говорить не только о южном и северном вариантах, но о нескольких территориальных группах кара-абызского населения, имеющих различия в материальной культуре, погребальных традициях, хозяйстве и хронологических рамках бытования.

Наиболее южная группировка расположена в зоне южной лесостепи Бельского правобережья (рис. 1: 1–5). Памятники здесь распо-

ложены вблизи коренной террасы р. Белой, большая часть из них хорошо укреплена, что говорит о беспокойной обстановке на фронтире степь – лесостепь. Характерной особенностью группы является большое количество находок металлических изделий и следов металлургического и металлообрабатывающего производства (Воробьева, 2019). Последнее позволяет говорить о существовании в пределах этой группы металлургического центра, который привлекал к границам лесостепи в том числе и кочевое население. Здесь известны пока только поселенческие памятники, где зафиксирована наиболее ранняя кара-абызская керамика, близкая постмаклашеевской посуде Прикамья. Находки, сделанные при раскопках, позволяют отнести появление этой группы к рубежу V–IV вв. до н. э. (Юсупов, 1959; Троицкая, 1959; Пшеничнюк, 1983). В IV в. до н. э. в эту группу раннекара-абызского населения внедряются носители «гафурийской» керамики, связанные своим происхождением с кочевниками Приуралья. В рамках этой территориальной группы фиксируются наиболее тесные контакты между оседлым и кочевым населением, результатом которых стало формирование поселений со смешанной материальной культурой. Верхняя дата этих памятников пока остается открытой.

В долине р. Зилим локализуется еще одна группа памятников, связанная с кара-абызским населением (рис. 1: 6–7). Здесь также фиксируется раннекара-абызская керамика (селища Красный Зилим, Магаш-3 и пещерная стоянка Имендяшевская (Сизякуй)). На этих памятниках преобладала традиция изготовления керамики с примесью песка, на базе которой сформировалась посуда убаларского типа (Савельев, 2017). Памятники данной группы демонстрируют гомогенность и минимальное влияние раннесарматской кочевой традиции на их материальную культуру. В отличие от южной группировки памятники Зилимской (убаларской) группы расположены на удалении от р. Белой и концентрируются у границы горнолесной зоны. Тесные контакты с кочевым населением здесь начинают фиксироваться лишь в позднесарматское время, когда часть номадов переселяется в правобережную Бельскую лесостепь, где оставляет некрополи III–IV вв. н. э. со смешанной материальной культурой (Салихово, Дербенево, Ахмерово, Нижнеарметово, Камбулатово).

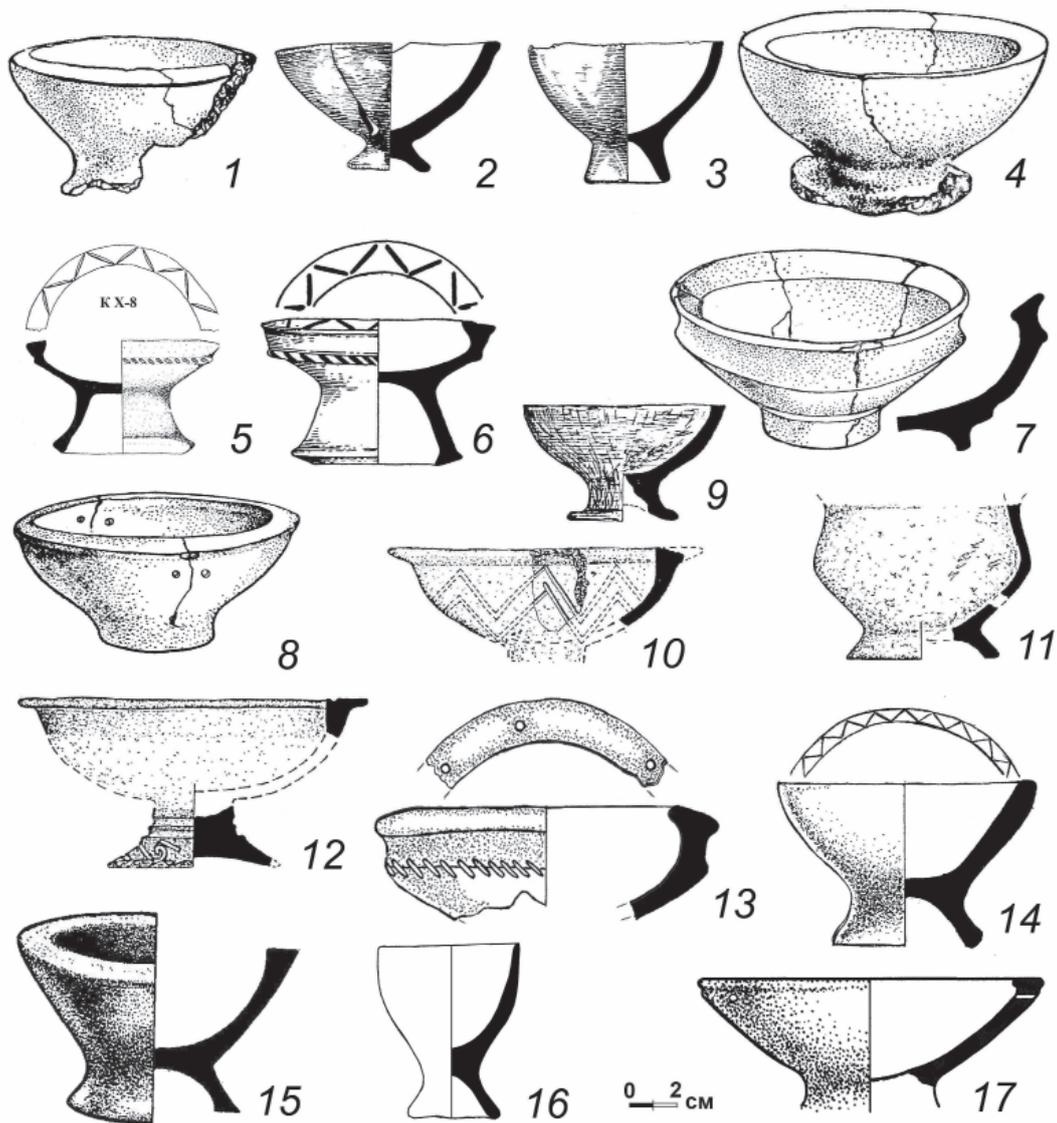

Рис. 4. Сосуды третьего типа из памятников лесостепного Предуралья.

1, 4, 7, 8 – Бишунгаровский могильник; 2, 3, 5, 6, – Старокиишкинский могильник;
9–14, 17 – Шиповский могильник; 15, 16 – Охлебининский могильник

Fig. 4. Ware of the third type from the sites of the forest-steppe Cis-Urals.

1, 4, 7, 8 – Bishaul-Ungarovo burial ground; 2, 3, 5, 6, – Stariye Kiyeshki burial ground;
9–14, 17 – Shipovo burial ground; 15, 16 – Okhlebinino burial ground

Как уже упоминалось выше, в междуречье Уфы и Сима концентрируется значительное количество памятников кара-абызской культуры. Эта группа занимает центральное положение в ареале культуры (рис. 1: 8–18). Среди поселений этой группы, расположенных по краю коренной террасы Белой, значительное число хорошо укреплены и маркируют собой линию фронта лесостепь – степь. В глубине территории все поселения не имеют укреплений, что характеризует их «тыловое» расположение. Население, входящее в эту группу, представляло различные культурные традиции. Здесь фиксируются значительные соци-

окультурные трансформации, что привело к формированию своеобразного смешанного анклава. В этом процессе активное участие принимает также значительная группа кочевого населения, оставившая на левобережье курганные могильники Бишунгарово и Старые Киешки. По нашему мнению, на этом этапе можно говорить о сложении в этом микрорайоне некой потестарной организации, свидетельством чего является высокая концентрация памятников, а также схожесть погребального инвентаря и элементов погребальных традиций как в могильниках оседлого, так и кочевого населения.

Основой такой тесной интеграции могла выступить меновая торговля. При которой номады, имевшие связи с ремесленными центрами Хорезма, являлись поставщиками предметов престижа (украшений, оружия, посуды и др.). Со своей стороны оседлое население могло предложить пушнину, воск и другие продукты, характерные для лесных и горнолесных угодий. Аналогичная ситуация сложилась, например, в Зауралье в саргатское время (Матвеева, 2000).

Мирному сосуществованию также могло способствовать то, что оседлые и кочевые группы занимали различные экологические ниши. Оседлое – правобережную лесостепь с преобладанием широколиственных лесов, кочевое – левобережную лесостепь с остепенной растительностью (Почвы Башкортостана, 1997, с. 49–54, рис. 7). Немаловажную роль также мог играть и фактор военного паритета. С одной стороны, подвижное конное войско, поголовно вооруженное луками и клинковым оружием, с другой – лучники и копейщики, защищенные дерево-земляными укреплениями городищ. Бесперспективность военной конфронтации могла привести данные социумы к консенсусу.

Исследованиями последних лет были получены новые материалы как с центральных, так и северных некрополей кара-абызской культуры. Исследования Шиповского и Охлебининского могильников показали, что данные некрополи непрерывно функционировали с IV в. до н. э. по рубеж III–IV вв. н. э. (Овсянников и др., 2007). Раскопки на Ново-Уфимском, Биктимировском II, Кара-Абыз-2 и Турбаслы-7 могильниках северного ареала кара-абызской культуры показали отсутствие материалов позднее рубежа эр (Овсянников, 2021; Щербаков и др., 2020; Савельев, 2015). Аналогичная картина была зафиксирована еще при исследовании Биктимировских I и III могильников в 60-х гг. XX в., но тогда данная ситуация объяснялась недостаточной исследованностью памятников (Пшеничнюк, 1964; Агеев, 1992, с. 105). Новые материалы однозначно указывают, что северные некрополи кара-абызской культуры перестали функционировать на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э.

Таким образом, к культурным и антропологическим различиям добавляется асинхронность памятников центрального и северного ареалов кара-абызской культуры. Из этого

следует, что все выводы о социокультурных процессах в Среднем Прибелье необходимо пересматривать.

Имеющиеся на сегодняшний момент данные позволяют предполагать следующее. В период IV–II вв. до н. э. на правобережье р. Белой функционируют грунтовые некрополи (с севера на юг): Биктимировские I–III, Кара-Абыз-2, Турбаслы-7, Уфимский, Ново-Уфимский и Охлебининский. Суммарно материалы этих некрополей еще не рассматривались, но в первом приближении эти могильники довольно схожи и могут быть объединены в ранний этап кара-абызской культуры (возможно, более подробный анализ и выявит какие-то различия). Эта культурная традиция, получившая импульс благодаря постмаклашеевской миграции, продолжала развиваться в Среднем Прибелье до рубежа I в. до н. э. – I в. н. э.

К рубежу эр ситуация меняется. Как уже упоминалось выше, перестают заполняться некрополи северных кара-абызских групп. Прекращаются захоронения в Старокиишкинском и Бишунгаровском могильниках. Забрасываются памятники Акбердинского центра. Причины этих изменений пока нам не известны.

В центральной группе Охлебининский и Шиповский центры после рубежа эр демонстрируют рост населения. В этот период закладываются новые некрополи (Юрмашевский могильник). Отмечается снижение количества и качества импортных изделий. Качественно меняется звериный стиль, в искусстве остается только изображение медведя. Связи с кочевым миром ослабевают, но тем не менее сохраняются. Об этом говорит немногочисленный южный импорт.

Правобережье среднего течения р. Белой к северу от Шиповско-Охлебининской агломерации, вероятно, заустевает. Памятников начала эры здесь не выявлено. Фактически в начале новой эры только Шиповский и Охлебининский центры продолжают поддерживать кара-абызские традиции в Среднем Прибелье.

Параллельно этим процессам в низовьях Белой начинают формироваться новые центры оседлого населения, объединяемые в пьяноборскую культуру. Ранние пьяноборские некрополи закладываются на неосвоенных участках в «археологическом измерении» практически одновременно. Погребальных памятников с предшествующей пьяноборской

традицией здесь не зафиксировано. Это может трактоваться только как одновременное переселение нескольких групп нового оседлого населения на незанятую территорию.

В период преобладания в Урало-Поволжской археологии эволюционистской парадигмы пьяноборская культура рассматривалась как звено в непрерывной цепочке культур от «ананьино» к «мазунино» и далее к средневековым культурам Прикамья, вплоть до современных финно-пермских народов. В этом ключе кара-абызская культура воспринималась как некая аномалия, нарушавшая стройный эволюционный процесс. С этой точки зрения, она и рассматривалась В.Ф. Генингом. Отсюда его попытка расчленить культуру, отделив от нее, на его взгляд, инородные элементы и включить «чистый кара-абыз» в эволюционную линейку, заполнив тем самым разрыв между ананьинскими и пьяноборскими древностями (Генинг, 1988, с. 57–63).

С другой стороны, Б.Б. Агеев, придя к выводу, что самые ранние пьяноборские комплексы появились в низовьях Белой только к концу II в. до н. э., существенно усилил позиции сомневающих в непрерывности развития прикамских культур (Агеев, 1992, с. 79). Он же высказал мысль о причастности кара-абызского населения к происхождению пьяноборской культуры (Агеев, 1992, с. 102–106). В.А. Иванов, используя статистико-математическую методику, также пришел к выводу о возможной генетической преемственности кара-абызского и пьяноборского населения (Иванов, 1985, с. 96).

На тот момент (рубеж 80–90-х гг. XX в.) у исследователей не оказалось достаточной источниковой базы для развития своих концепций. В настоящее время новый материал позволяет вернуться к этим незаслуженно подзабытым гипотезам. В первую очередь обращает на себя внимание почти синхронное прекращение функционирования северных кара-абызских некрополей и закладка новых пьяноборских. Эти процессы укладываются в довольно узкий период конца II – начала I вв. до н. э. Если выявлять происхождение пьяноборской погребальной традиции, то её необходимо сравнивать уже не со всем массивом исследованных кара-абызских комплексов (где, как было показано выше, большую часть будут составлять комплексы с позднекара-абызскими чертами), а только с погре-

бениями предшествующего пьяноборскому периоду этапа, желательнее наиболее близкого хронологически. Это могут быть погребения III–II вв. до н. э., исследованные как на Охлебининском, так и на северных кара-абызских некрополях (Уфимский, Ново-Уфимский, Турбаслы-7, Кара-Абыз-2, Биктимирово I–III). Возможно, при этом получит объяснение наличие в пьяноборском обряде «архаичных» ананьинских черт, не сохранившихся в позднекара-абызских комплексах.

Таким образом, в первые века нашей эры в Прибелье функционируют два культурных очага расселения оседлого населения, продолжающих ананьинские/постмаклашеевские традиции, но развивающиеся уже самостоятельно. Первый в низовьях рек Белой и Ика, получивший в литературе определение как «пьяноборская культура», и второй – на правом берегу среднего течения р. Белой, за которым закрепилось название «кара-абызская культура», хотя правильнее, на наш взгляд, называть его «позднекара-абызская культура». Оба культурных формирования сохраняют родственные черты, в первую очередь это прослеживается в мировоззрении (Овсянников, Зубов, 2022). Прослеживаются также определенные контакты, отражающие не очень интенсивные семейно-брачные отношения.

Можно наметить также ряд отличий. В первую очередь исследователями отмечается большая представительность воинских комплексов и четкая структура наборов оружия и конского снаряжения в позднекара-абызской культуре, близкая к кочевнической паноплии (Иванов, 1984, с. 84–85; Зубов, 2012, с. 123). С другой стороны, пьяноборские воинские комплексы выглядят более бессистемно, хотя в них чаще встречаются мечи, практически отсутствующие в кара-абызских некрополях (Иванов, 1984, с. 84–85).

Различны и источники поступления импорта в ареалы пьяноборской и позднекара-абызской культур. Для первого характерны импорты римской металлической посуды, фибул и ременной гарнитуры, поступающих Волжским путем из лесостепного Поднепровья (возможно) через лесостепь Поочья и Посурья. Благодаря этому торговому пути пьяноборское Прикамье становится центром производства как дериватов римской ременной гарнитуры и фибул, так и оригинальных

бронзовых украшений. «Вуаль» моды на пьяноборские формы украшений простирается от Поочья до устья Оби.

Позднекара-абызское население сохраняет южные связи с кочевым миром и продолжает получать оттуда образцы бронзовых украшений, фибул и ременной гарнитуры. В позднесарматское время эти связи усиливаются, что связано с выдвиганием поздних сармат на север Предуралья ближе к ареалу «кара-абыза». Шиповский некрополь при этом демонстрирует сохранение импульса кочевых погребальных традиций, полученных в IV–III вв. до н. э. Это выражается в делении могильника на грунтовую и курганную части до рубежа III–IV вв. н. э. при полной идентичности погребального инвентаря.

Погребения продолжают совершаться на Охлебининском некрополе до III в. н. э., в Шиповском – до середины IV в. н. э. Финал пьяноборских древностей в низовьях Белой наступает несколько раньше. Наиболее поздние погребения здесь встречены в Ново-Сасыкульском могильнике и датируются не позднее II в. н. э.

Заключение. Археологические материалы, полученные в последнее время, позволяют выделить в ареале кара-абызской культуры несколько групп памятников, имеющих различия в культуругенезе, хронологии и пространственном расположении. Также эти группы различаются по степени интенсивности контактов с кочевым населением.

Основой для всех групп являются памятники с раннекара-абызской керамической традицией, возникшие в результате миграции постмаклашеевских групп в лесостепную зону Прибелья в V в. до н. э. Наиболее ранние контакты с кочевым населением были установлены в южной группе раннекара-абызских памятников. В результате переселения части номадов на правобережье Белой здесь сложился «гафурийских тип» памятников со смешанными культурными традициями.

В долине р. Зилим на базе раннекара-абызского населения складывается «убаларский тип» памятников. Эта часть населения проживала в некоторой изоляции в горно-лесной зоне и испытывала минимальное влияние со стороны номадов в раннесарматское время. Кочевники лишь в первые века нашей эры начали проникать в южную часть Бельского правобережья, что привело к некоторой

интенсификации контактов между оседлыми и кочевыми группами.

В междуречье правых притоков Белой – Сима и Уфы – складывается центральная группировка кара-абызской культуры. Наиболее многочисленная и образовавшаяся на базе раннекара-абызской группы и миграции части гафурийского и зауральского населения, эта группировка имела тесные контакты с раннесарматским кочевым населением, что позволяет предполагать сложение здесь в III–II вв. до н. э. некоей потестарной структуры.

В северном ареале кара-абызской культуры между устьями рек Уфы и Бири оформляется несколько центров, которые маркируются городищами Уфа IV, Кара-Абыз, Биктимирово, Камышинка I, Бирск. Эта часть кара-абызского населения испытывает минимальное влияние кочевого мира, в основном опосредовано через центральную группу.

К рубежу эр происходит ряд значительных изменений в кара-абызском ареале. В результате откочевки основной массы номадов от границ центральной группы её связи с кочевым миром ослабевают. В северном ареале перестают функционировать все известные некрополи. Одновременно в низовьях Белой закладываются новые могильники, относящиеся к раннепьяноборской традиции, что ставит вопрос о генетической связи северного кара-абызского и раннепьяноборского населения.

Таким образом, на фронтире степь – лесостепь в сравнительно небольшом Бельском регионе фиксируется несколько моделей взаимодействия оседлого и кочевого населения. Модель инкорпорации кочевников в оседлую среду в результате климатических катаклизмов демонстрируют южная (гафурийская) и центральная группы кара-абызской культуры. Модель тесного взаимодействия на уровне торговых, семейно-брачных и, возможно, потестарных связей при сохранении этнокультурной идентичности – центральная группа. Модель слабых опосредованных контактов с номадами демонстрируют зилимская (убаларская) и северные группировки кара-абызского населения. Первая – в силу изолированности в горно-лесной зоне (возможно, как сознательно выбранной стратегии выживания), вторая – по причине либо удаленности от территории, освоенной номадами (что маловероятно), либо в результате посредничества/

противодействия со стороны сложившегося союза центральной кара-абызской группировки и бельской группы кочевников. Последующая миграция северного кара-абызского населения в Нижнее Прибелье могла быть вызвана как потребностью установления самостоятельных путей сбыта продуктов из своих угодий и получения за них импортов, так и давлением со стороны союзных сил южных соседей.

Фиксация нескольких моделей взаимодействия кочевого и оседлого населения на такой сравнительно небольшой территории, как Бельский регион, обусловлено разнообразием природных ландшафтов, создающих различные экологические ниши, которые позволяют реализовывать разные стратегии взаимодействия как между природой и социумами, так и между социумами.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Воробьева С.Л.* Металлообработка эпохи раннего железа по материалам исследований металлургического комплекса горы Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан // SCYTHIAet-SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 341–351.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.
- Зубов С.Э.* О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. 2012. Вып. 12. С. 108–123.
- Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
- Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 85–99.
- Иванов В.А., Проценко А.С.* Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.
- Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И.* Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. №1. С. 35–44.
- Лейбова Н.А.* Население кара-абызской культуры Южного Приуралья по данным одонтологии // УАВ. 2021. Т. 21, № 1. С. 118–127.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Нечвалода А.И.* Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия)
- Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // УАВ. Вып. 9 / Ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2009. С. 144–156.
- Овсянников В.В.* Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Кишишских и Бишунгаровских курганов) // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / УАВ. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014.. С. 168–177.
- Овсянников В.В.* Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева, Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018. С. 232–234.

Овсянников В.В. Биктимировский II могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 191–206.

Овсянников В.В., Зубов С.Э. Новые находки с изображением медведя из Кипчаковского археологического комплекса (лесостепное Предуралье) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. № 1 (56) С. 37–47.

Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Хазиев Ф.Х., Рамазанов Р.Я., Мукатанов А.Х., Габбасова И.М., Хамидуллин М.М., Хабиров И.К. Почвы Башкортостана. Т. 2: Воспроизводство плодородия: зонально-экологические аспекты. Уфа: Гилем, 1997. 328 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.

Пшеничнюк А.Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 5–9.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 116–136.

Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 299–322.

Савельев Н.С. Некрополь городища Кара-Абыз: хроника выявления, научного изучения и разграбления // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 (2) / Отв. ред. С.Л. Воробьева. Уфа, 2015. С. 14–15.

Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2017. Вып. 17. С. 18–38.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР ИИЯЛ, 1959. С. 88–96.

Щербаков Н.Б., Овсянников В.В., Шутелева И.А. Ярусные захоронения Ново-Уфимского могильника кара-абызской культуры: феномен или ранее не выявленная особенность // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 136–137.

Юсупов В.Г. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР ИИЯЛ, 1959. С. 58–87.

Информация об авторе:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

REFERENCES

Ageev, V. B. 1992. *P'ianoborskaja kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vorob'eva, S. L. 2019. In Malyshev, A. A. (ed.). SCYTHIAetSARMATIA. Moscow: "MAKS Press" Publ., 341–351 (in Russian).

Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashei ery (p'ianoborskaia epokha III v. do n. e. – II v. n. e.) (Ethnic History of the Western Cis-Urals at the Turn of the Millennium (the Pyany Bor Period of the 3rd c. B.C. – 2nd c. A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiia Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Cis-Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Zubov, S. E. 2012. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (12), 108–123 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians of the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. – first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 173–178 (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 117–129 (in Russian).

Kurmanov, R. G., Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Galeev, R. I. 2019. In *Geologicheskii vestnik (Geological Bulletin)* (1), 35–44 (in Russian).

Leibova, N. A. 2012. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 118–127 (in Russian).

Matveeva, N. P. 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nechvaloda, A. I. 2016. In *Tezisy XVII Mezhdunarodnoy Zapadnosibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii: «Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodeystviy», posvyashchennoy 110-letiyu V.N. Chernetsova, 110-letiyu G.F. Debetsa, 115-letiyu A.P. Dul'zona (20–22 aprelya 2016 g., Tomsk, Rossiya) (Abstracts of papers presented at the XVII International West Siberian archaeological and ethnographic conference: "East and West: problems of synchronization of ethnic-cultural interactions", dedicated to the 110th anniversary of V.N. Chernetsov, 110th anniversary of G.F. Debets, 115th anniversary of A.P. Dulzon (April 20–22, 2016, Tomsk, Russia))* (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2009. In Garustovich, G. N. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 9, 144–156 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2014. In Yablonsky, L. T., Savel'ev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 168–177 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 232–234. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 191–206 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Zubov, S. E. 2022. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 56 (1), 37–47 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasil'ev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Khaziev, F. Kh., Ramazanov, R. Ya., Mukatanov, A. Kh., Gabbasova, I. M., Khamidullin, M. M., Khabirov, I. K. *Pochvy Bashkortostana. T. 2: Vosproizvodstvo plodorodiya: zonal'no-ekologicheskie aspektya (Soils of Bashkortostan. Vol. 2: Reproduction of fertility: zonal and ecological aspects)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkiri (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 77–103 (in Russian).

Pshenichiuk, A. Kh. 1988. In Pshenichiuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 5–9 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2008. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early Nomads of the Volga-Ural Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 116–136 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 299–322 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2015. In Vorob'eva, S. L. (ed.). *Izvestiia Arkheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan (Bulletin of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan)* 2 (1). Ufa, 14–15 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2017. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 17, 18–38 (in Russian).

Savel'ev, N. S., Yablonsky, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 478–504 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers)*. Ufa, 88–96 (in Russian).

Shcherbakov, N. B., Ovsyannikov, V. V., Shuteleva, I. A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 136–137 (in Russian).

Yusupov, V. G. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers)*. Ufa, 58–87 (in Russian).

About the Author:

Ovsyannikov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences, Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.